

ЛИНГВОДИСКУРСОЛОГИЯ

УДК 81'42

Восприятие комического текста-пранка в диалоге сетевого общения: постановка проблемы*

Л. Р. Дускаева, Е. А. Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дускаева, Л. Р., Щеглова, Е. А. (2020). Восприятие комического текста-пранка в диалоге сетевого общения: постановка проблемы. *Медиалингвистика*, 7 (2), 238–249. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.207>

Для современного российского политического дискурса характерна направленность вектора сатирической модальности против внешнего врага, в роли которого выступают государства, поддерживающие санкционную политику против России на внешнеполитической арене. Сатира обладает полемическим зарядом, соответствующим коммуникативной задаче разоблачения и изобличения противника. Источник комического — противоречия самой действительности. Цель исследования — выявление закономерностей коммуникативного реагирования (ответности) на комическое в медийном речевом взаимодействии. Эти закономерности позволяют понять, как встроенность любого текста в диалог (его промежуточное положение в коммуникации) влияет на особенности текстопорождения. В центре нашего внимания — типовые текстовые формы, рождающиеся в результате встречи двух текстов. Материалом исследования послужил медийный дискурс, связанный с пранком Вована и Лексуса, основанным на розыгрыше конгрессвумен США Максин Уотерс. Сообщение о нем разместили многие российские СМИ: «РИА Новости», «Газета.ру», «Независимое обозрение», «Царьград» и др. Источником комизма стало противоречие между чванливостью представителей политического истеблишмента США, какими они предстают в российских медиа, и их невежеством. Нами были проанализированы речевые модели комментариев пользователей к видеоролику пранка на YouTube и к публикациям о нем в сетевых СМИ. Исследование показало такие типы реакции на пранк: неодобрение пранка, одобрение пранкеров, высмеивание «жертвы» розыгрыша, выражение эмоциональной реакции на комическую форму, на сатирическое содержание, комические игровые комментарии, побуждение пранкеров к последующим речевым действиям.

Ключевые слова: диалогичность, комическое, сетевое общение, типы реакции, пранк.

* Исследование выполняется при поддержке РНФ, проект № 19-18-000530.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Постановка проблемы

Интерес к исследованию выражения диалогичности в медиаречи поддерживается разными причинами. Во-первых, диалогичность, будучи онтологическим качеством журналистских текстов, — важнейшее конструктивное свойство медиатекста, способ организации материалов на газетной полосе, а также свойство смысловой организации всей медийной коммуникации. Во-вторых, дигитализация медиасистемы и связанная с нею активизация в медиакоммуникации второго субъекта, обретение им статуса автора усилили влияние диалогичности на смысловую и формальную структуру всего медиадискурса. Среди разных проявлений диалогичности сегодня наибольший интерес представляет форма презентации «встречи» двух текстов. Цель статьи — установить формы коммуникативного реагирования на проявления комического, которые обнаруживаются в медийном речевом взаимодействии.

История вопроса

Первоначально диалог рассматривался лишь как форма речи, представляющая собой регулярный обмен говорящих высказываниями-репликами. В связи с активизацией интереса в отечественной и зарубежной лингвистике в 1970–1980-х годах к коммуникативным аспектам языка проблема репрезентации отношений автора и адресата была поставлена во многих функционально-лингвистических направлениях, особенно в исследованиях прагматического направления в языкознании (Л. Витгенштейн, П. Грайс, Дж. Лакофф, Д. Остин, Т. А. ван Дейк и др.).

Однако современную теорию диалога во многом определили идеи М. М. Бахтина, среди которых важнейшими для формирования методики стилистического анализа считаем следующие: 1) признание социальной сущности диалога, а диалогичности свойством не только внешне диалогических текстов, но и монологических; 2) рассмотрение диалогических отношений как смены смысловых позиций («Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 2000: 303]), внутреннего диалога взаимодействием различных смысловых позиций, но уже не разных субъектов (как в двусторонней речи), а одного и того же субъекта (с учетом второго «я»).

Утверждение в гуманитаристике такого подхода к коммуникации знаменовало собой переход от структурно-функционального его изучения к новому этапу — функционально-семантическому, поскольку исследовательский интерес лингвистов переместился к поиску семантических закономерностей в развитии взаимодействия реплик в разных типах диалога.

Следует отметить, что в целом ряде работ диалогичность рассматривается как проявление в письменной речи устных форм диалога и называется диалогизацией (см.: [Светана 1985; Майданова 1987; Чепкина 1993; Чжао Айша 1993] и др.) или отражением в речевой структуре текста инициальности, установки на контактоустановление, которое называется фактором адресата или адресованностью (см.: [Арутюнова 1981; Жуланова 2002; Милевская 1985; Нистратова 1985; Подъяпольская 2004; Светана 1985; Славгородская 1986] и др.). Фактор адресата характеризуется в его отношении к речевым актам и ко внутренней речи, однако в исследованиях

конкретных текстов диалогичность ограничивается формальными рамками, и раскрываются лишь внешние признаки присутствия адресата в отдельных высказываниях текста, особые стилистические приемы во внешне монологическом тексте. По существу, игнорируется уже общепризнанная идея о том, что коммуникация — это поле многовекторного смыслового взаимодействия коммуникантов.

Важным этапом в развитии теории диалогичности стало признание ее онтологическим свойством медиаречи, обоснование возможности членения всего медиадискурса на композиционно-речевые единицы — циклы — с репликой-стимулом и репликой-реакцией [Дускаева 1995; 2004]. Поскольку диалог — взаимодействие авторского слова с «чужим», вполне закономерно диалогическими рассматривать межтекстовые отношения. М. М. Бахтин писал об отсутствии в природе изолированных текстов и об относительности границ высказывания: «Текст живет, только *соприкасаясь с другим текстом...* Только в точке этого контакта вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [Бахтин 1979]. Позже эти идеи были подтверждены и обогащены Ю. М. Лотманом, считавшим культуру бесконечным континуумом текстов [Лотман 1981: 6]. Исходя из сказанного диалогичность следует признать выражением в медиадискурсе многостороннего соотношения разных смысловых позиций адресанта, адресата и «третьих» лиц, которые в ходе коммуникации передают коммуникативную иллокутивную инициативу из рук в руки, так что иллокутивное вынуждение осуществляет отнюдь не только автор. Внешним коммуникативным вынуждением предопределяется рождение текстов, в которых мы видим не просто спор ради спора, а отвержение, порою в форме агрессивной отповеди оппоненту.

Проблема изучения фактора ответственности приобрела по отношению к журналистской речи особенную актуальность.

Методика исследования

Нас интересует, каким образом не просто образ адресата, а взаимодействие смысловых позиций автора и адресата в коммуникации влияет на построение текстов в журналистской сфере общения. Сегодня собран достаточный материал, для того чтобы попытаться разобраться, как обогащается содержание нового сообщения, появившегося в результате взаимодействия с предыдущим, что происходит в речи на пересечениях текстов, а самое главное — какие типовые текстовые формы принимает смысловое реагирование. Иными словами, нас интересует, какие закономерности коммуникативного реагирования (ответности) обнаруживаются в медийном речевом общении, когда происходит, по выражению М. М. Бахтина, «встреча двух текстов — готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [Бахтин 2000: 303]. Обнаружение таких закономерностей позволит понять, как влияет на образование нового текста необходимость «ответить» на предыдущий текст и на последующий в силу промежуточного положения всякого текста в коммуникации, а следовательно, в центре нашего внимания будут типовые формы текстов, рождающиеся в результате «встречи» двух текстов. Следует отметить, что до сих пор не предпринималось попытки выделения типов реакции на комическое, которые проявляются именно в гипертексте, что отличает наш подход от подхода, представленного работе А. Н. Тепляшиной [Тепляшина 2006].

Мы предполагаем выявить типовые речевые реакции читателей на пранк известных в России мастеров телефонного розыгрыша — Вована и Лексуса.

Таким образом, в центре нашего исследования — цикл диалогического взаимодействия. Анализ восприятия комического текста-пранка предполагает три этапа: 1) исследование протоситуации, следствием которой стало появление пранка; 2) анализ представления речевых партий в сообщениях о пранке в СМИ; 3) выявление типов реакций на пранк на основе анализа комментариев пользователей в Сети. В основе анализа диалога в нашем исследовании лежит семантический подход, заложенный в работах М. М. Бахтина и получивший развитие применительно к медиасистеме в работах Л. Р. Дускаевой.

Анализ материала

Для современных российских политических медиа характерна направленность вектора сатирической модальности против внешнего врага. Им стали для России инициаторы санкционной политики, авторы нелепых обвинений против нашей страны. По этому вектору действует другая стилистика комического — троллинг. Объектом язвительных насмешек многих российских СМИ стало невежество современных американских политиков, чиновников, их готовность принимать решения без глубокого изучения проблемы. В российском информационном поле активно применяется пранк, сюжет розыгрыша в котором выступает информационной основой последующих полемических сатирических сообщений о нем. Один из наиболее успешно проведенных случаев — это остроумный розыгрыш в феврале 2017 г. Вованом и Лексусом конгрессвумен из США Максин Уотерс. Позже сообщение о пранке разместили многие российские СМИ: «РИА Новости», «Газета.ру», «Независимое обозрение», «Царьград» и др.

В публикации портала Lenta.ru взаимодействуют три речевых партии, внутренне образующие диалогическую структуру. Одна речевая партия принадлежит рассказчику («я»), передающему сюжет пранка, другая — воображаемому Владимиру Гройсману («он¹»), от лица которого разыгрывают Максин Уортерс, третья — самой Максин («он²»). Метатекст, указывающий на субъектов речи и характер самих речевых действий, составляет каркас сообщения.

Метатекст первого диалогического цикла включает описание стимулирующей реплики одного «он¹» с запросом на уточнение и ответную — уточнение — другого («он²»). Реплика строится средствами передачи чужой речи, раскрывающими замысел розыгрыша: **Пранкеры Вован и Лексус разыграли члена палаты представителей Конгресса США Максин Уотерс от лица премьер-министра Украины Владимира Гройсмана. Видео разговора опубликовано на YouTube в понедельник, 13 февраля. Речь шла о санкциях против России. По словам Уотерс, она не знает точно о планах президента США Дональда Трампа по поводу снятия ограничений, но считает, что он готов пойти на попятную в этом вопросе.** Наивная собеседница оказалась на крючке у телефонных хулиганов. Участники диалога с одной стороны названы игровыми номинациями *Вован* и *Лексус*, дано разъяснение игровой ситуации *от лица премьер-министра Украины Владимира Гройсмана*, участник другой стороны — *Уотерс*. Речевые действия пранкеров названы без осуждения *разыграли*, *речь шла о...* Речевые действия другой стороны — уточняющей — названы ней-

тральными средствами: вводным словом источника сообщения *по словам Уотерс* и конструкцией «субъект речи + глагол речи» *она не знает точно о планах президента...*, но считает, что он готов пойти на попятную... Все вместе маркеры речевого взаимодействия строят каркас метатекста.

Сюжет розыгрыша развивается далее в следующем метатекстовом диалогическом цикле, построенном предложениями с косвенной и прямой речью. Речь инициатора розыгрыша вводится конструкциями «субъект речи “он¹” + глагол речи». В этом фрагменте уже вычитывается комическая тональность, передающая атмосферу игры. Названия речевых действий, продолжающих розыгрыш, вступают в противоречие с тем, что эти действия представляют собой. Действия, состоящие в сообщении новой порции, как мы уже понимаем, неправдивой информации, названы их противоположностью *пранкер пояснил, пранкер внес ясность: Пранкер пояснил, что тема санкций актуальна в связи с тем, что на Украине произошла эскалация конфликта: «Россия оккупировала Донецк и Львов». Когда пранкер внес ясность, что Львов — это город на западе страны, конгрессвумен уточнила: «Регулярные войска Путина уже на востоке и на западе?»* Фрагмент диалога передан, как видим, сложноподчиненным предложением, главная часть которого указывает на вступление в диалог второй стороны — *конгрессвумен уточнила*. Из вопроса собеседницы ясно, что она ничего не подозревает о розыгрыше.

Следующий диалогический цикл «он¹ — он²» — кульминация розыгрыша. В нем мнимый Гройсман (его речевая партия представлена в косвенной, а затем и в прямой речи) «вносит предложение» ввести санкции против России по причине вмешательства в выборы несуществующей страны Лимпопо: *Кроме того, добавил «Гройсман», на Украине считают, что Вашингтон и Киев должны наложить новые ограничения на Россию, потому что она вмешалась во внутреннюю политику Лимпопо — там русские хакеры атаковали серверы во время выборов. «Взломали систему выборов в Лимпопо и установили режим своей марионетки Айболита», — отметил телефонный хулиган. По его словам, президент Лимпопо хочет переехать на Украину, поскольку боится, что с ним «что-нибудь сделают».* Пранкеры для своей игры используют мотив вмешательства России в выборы чужой страны. Но, объявляя в ходе розыгрыша выдуманную страну, о чем русскоязычные читатели, с детства знающие о сказочном топониме Лимпопо, осведомлены, пранкеры высмеивают циркулирующие в американских и европейских СМИ слухи о вмешательстве России в выборы чужой страны, показывая их нелепыми. Для русскоязычной аудитории сюжет пранка кажется забавным, но главное — совершенно убийственным для репутации собеседницы пранкеров: она, всерьез рассуждавшая о возможности вмешательства в выборы несуществующей страны, в глазах российских читателей полностью посрамлена за свое невежество. В ответ конгрессвумен лишь просит уточнений: *Во время беседы член Конгресса активно задавала уточняющие вопросы.* Наконец, когда шутник сообщил еще одну дозу лживой информации (*Шутник поведал о ситуации в Габоне: «Путин туда послал свои регулярные войска. Он решил поддержать режим президента Ондимбу»*), собеседница, вопреки здравому смыслу, оказывает шутникам уже полную поддержку (*Уотерс признала, что не знала об этом, и согласилась, что США и Украина должны быть сильными, чтобы остановить Россию*).

Сюжет диалога-розыгрыша передает последовательность конструкций, которые выстраивают метатекст: *Пранкеры Вован и Лексус разыграли члена палаты представителей Конгресса США Максин Уотерс — от лица премьер-министра Украины Владимира Гройсмана — речь шла о санкциях — по словам Уотерс — она не знает точно..., но считает — пранкер пояснил — конгрессвумен уточнила — добавил «Гройсман» — во время беседы член Конгресса активно задавала уточняющие вопросы — шутник поведал и о ситуации в Габоне — Уотерс признала, что не знала об этом, и согласилась...* Только несколько слов сигнализирует о розыгрыше (пранкеры, разыграли, шутник поведал и о ситуации в Габоне, «Гройсман»), но и их достаточно, для того чтобы возник комический эффект. А отсутствие со стороны собеседницы должной реакции на ложные сообщения пранкеров (о вмешательстве в дела несуществующей страны Лимпопо, поддержке Кремлем президента Ондимбу, который за несколько лет до розыгрыша ушел из жизни) со стороны конгрессвумен звучит как троллинг, который в глазах российских читателей окончательно посрамил политического противника: россияне пранк безусловно убеждает в том, что обвинения американского истеблишмента России в том, что она вмешивалась в выборы США, надуманны.

Источник комизма — противоречие между чванливостью представителей политического истеблишмента США, какими они предстают в российских медиа, и их невежеством. В результате розыгрыша пранкерами это высокомерие посрамлено, вскрыто невежество и неосведомленность во внешней политике одного из самых старых представителей американских политиков.

Каким был эффект комического для аудитории, мы посмотрели в ходе изучения комментариев, появившихся после публикации пранка на YouTube и публикации материала о нем в сетевых СМИ.

В комментариях разворачивается сразу множество диалогических циклов, которые являются в одно и то же время репликами-реакциями на реплику-стимул (сам пранк или медиатекст о нем) и репликами-стимулами для следующего комментария. Такая разветвленная и отчасти циклическая система диалога характеризует сетевое общение. Комментатор сам становится полноправным участником речевого события и творцом медиатекста о нем. Автор комментария — это адресат сообщения, содержащегося в пранке («ты»). Поскольку каждый пользователь может стать участником диалога в сетевом пространстве, это «ты» может множиться до тех пор, пока текст сообщения сохраняет свою актуальность. Таким образом, мы имеем дело с «ты¹», «ты²», «ты³»... «ты^x». Каждый из этих адресатов, становясь участником общения и выражая собственную смысловую позицию, в свою очередь, обогащает и дополняет первоначальное сообщение, создавая тем самым дискурс, возникающий вокруг события. За счет взаимодействия данных речевых позиций происходит эскалация эмоционального напряжения комического — «заражение» «другого» собственным смехом.

Таким образом, в комментариях наблюдается сложная система взаимодействия речевых партий: в одно время присутствуют смысловые позиции авторов комментариев («ты¹», «ты²», «ты³»... «ты^x»), вступающие в диалогические отношения друг с другом, авторов новостных текстов сетевых СМИ («я»), речевая партия Вована и Лексуса, выступающих под именем Владимира Гройсмана («он¹» в текстах медиа, «я» в пранке), партия Максина Уотерса («он²»).

Как показало исследование, в сетевой коммуникации формируется несколько типов реакции на розыгрыш. В самом общем виде можно выделить два типа — одобрение и неодобрение.

Неодобрительные отзывы о пранке и пранкерах безадресны (что выражается в отсутствии обращения) и носят разоблачающий характер по отношению к Вовану и Лексусу, а также к СМИ, которые распространяют новость и поддерживают посрамление объекта сатирической насмешки. Неодобрение выражается в номинации участников коммуникации (*внутренний потребитель, хулиганы, телефонные хулиганы, диванные критики, выдуманные враги* и пр.) и предикатах (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация авторов): *Самое смешное, что официального подтверждения этой легенде нет. Откуда ж ему взяться, рассчитано на внутреннего потребителя; Не шутники, а телефонные хулиганы; Почему эти пранкеры тыкают носом только «выдуманных врагов»? И это всех наших, в том числе президента, веселит и радует! Что не хватает мозгов в нашей стране разыграть кого. Иногда авторы критических комментариев обращаются непосредственно к пользователям (местоимение *вы*), оставившим хвалебные отзывы, такие комментарии нередко содержат инвективы (*ура-дурни, дурни, ниже плинтуса, тупее* и пр.): *Я поражаюсь серой массе ура-дурней. Вы верите любому фейку, завязанному на топорной пропаганде и чем ниже плинтуса фейк, тем этим дурням веселее. Главное, чтобы как бы «разыгрываемые» люди были тупее вас? Это практически невозможно.**

Одобрительные комментарии более разнообразны по своей структуре и содержанию. Можно выделить несколько основных форм выражения одобрения.

Одобрение действий пранкеров вне зависимости от сетевого ресурса (комментарии к самому пранку на YouTube или к новостям о нем в сетевых медиа) проявляется в выходе на прямой диалог с Вованом и Лексусом («я — ты» общение), что выражается в обращении комментирующих к авторам пранка (игровым — *Вован и Лексус*, сетевым — *Vovan222prank*, общим, носящим панибратский характер, — *ребята, парни*): *Дорогие Вован и Лексус! Ну как можно было удержаться и не заржать в голос? Ну как можно было довести беседу до конца и не уписаться от смеха?! Высший пилотаж!; Ребята! БРАВО!!!; Молодцы ребята))) Парни, вы лучшие!!!!))* и т. д. Отдельно можно выделить комментарии с прямым выражением благодарности: *Vovan222prank, спасибо !!! И отдельно за картинку — тоже !!!; Высшая степень одобрения пранка видна в номинациях пранкеров (*гении, гениальные шутники, патриоты* и пр.): **Гении**)); *Вован с Лексусом — гениальные шутники!!!! При чем шутят с пользой для России, ну это могут только гении и патриоты!**

В смеивание «жертвы» — Максин Уотерс («он²») — проявляется в использовании такой инвективной лексики, как *обезьяна, лошара, дура, бабуська, бабка, старая перещница* и пр.: *старой шимпанзе так и надо; это швабра прекрасна. Парни, я понятия не имею, кто вам сливает номера их калькуляторов, но вы молодчики!* Все номинации носят открыто выраженную сатирическую оценку конгрессвумен, отдельно отметим этнофолизмы *обезьяна* и *шимпанзе* по отношению к темнокожей Уотерс. Ту же тональность поддерживают номинации, не имеющие в узусе подобных коннотативных смыслов и не несущие характер инвективности (например, нейтральное *бабушка* или *бабуля* — слово, являющееся в разговорной речи ласковой фамильярной номинацией бабушки), однако в контексте коммен-

тария приобретают таковой: *Эх, нуки! Обидели старенькую бабушку...; Тролить бабушку, конечно, нехорошо, но ведь ей не будет стыдно.* В ряде случаев номинации сенатора сопровождаются атрибутами *бедная, больная, старая*, что соответствует принятому в разговорной речи их употреблению в ироническом и уничижительном ключе: *Бедную бабушку кондрашка шарахнет, когда узнает правду...; Зачем вы так над старой больной женщиной? Она очень искренне страдает Айболиту.*

Реакция на комическую форму предусматривает выражение положительного эмоционального ответа на смех, вызванный розыгрышем. Анализ ответных реплик пользователей показал многослойность восприятия комического аудитории в современной ситуации трансформации его типов и форм. Пранк, изначально существующий как тип хулиганского розыгрыша, воспринимается частью аудитории, несмотря на остросоциальную направленность и избочливающий характер, соответствующе. Эта часть аудитории воспринимает пранк как нечто созданное исключительно для развлечения, улавливая таким образом только лежащий на поверхности комизм, связанный с верой Уотерс в реальное существование страны Лимпопо, которая стала жертвой вмешательства России в ее внутреннюю политику. Такая реактивность предусматривает модель «субъект + глагол смеха»: *я валяюсь)))*; *Я плачу))))))!!!!!!!!!!!!*; *Йаплакаль со смеху))))*; *))))сначала не поверил, теперь от смеха умираю!!!!))* Айболит спасай!!!!)) Отступления от этой модели могут выражаться в номинации пранка в соответствии с возбуждаемой им реакцией (*ржака*).

Реакция на сатирическое содержание проявляется в реагировании на объект высмеивания (Максин Уотерс и политический истэблшмент США в ее лице) в восприятии пранка как сатирического произведения, призванного избочлечь объект высмеивания. Нужно отметить, что направленность сатирического высмеивания получает в комментариях разную интерпретацию. Часть комментариев посвящена невежеству самой конгрессвумен, выявляется несоответствие между занимаемой должностью и уровнем компетентности: *Тупость сенаторши запредельная; И это выпускница Калифорнийского Государственного Университета и т. п.* В ряде случаев пользователи осуществляют перенос невежества Уотерс на весь американский политический истэблшмент, рассматривая эту характеристику как типовую. Маркерами такого переноса выступают местоимения *они* (правительство США), *такие (такие люди)*, наречие *там* (США). Происходит разделение мира на «своих» и «чужих», последние характеризуются с помощью инвективной лексики: *Господи кто у них рулит. Просто умственно отсталые. Не знают Где находятся страны. Вот как они географию в школе проходят????; стадия деградации правящих элит США... и эти дэбилы диктуют всему миру правила игры?! неужели там все так плохо?; и такие люди управляют Америкой!*

Иногда для этого уподобления используются имена других политиков (чаще всего Джейн Псаки и Хилари Клинтон): *Сижу, смотрю и думаю. Если бы вместо фото Уотерс, фото Псаки или Клинтон вставили. Так же проканал бы?; Очередной вариант «Псаки», надемся на продолжение приколов от Вашингтоского обкома.* Происходит процесс деонимизации, имена собственные демонстрируют свойства прецедентности, становясь синонимами глупости и необразованности. Примечательно в этом отношении употребление имени *Псаки* в кавычках в последнем примере. В ряде случаев происходит перенос качеств американской правящей

элиты, высмеянных в пранке, на всех жителей США, при этом также присутствует обращение к прецедентности — обыгрывается известный рефрен юмористических выступлений М. Задорнова «Ну тупые!»: *все эти годы мы смеялись над Задорновым. теперь видим, что он был прав. «Ну тупые!»; ну тупыыыыы. молодцы это реально смешно; Нууу тупыыыыееее.....* (с).

Развитие комического эффекта в игровых комментариях также становится формой выражения одобрения и проявляется в провоцируемой взаимодействием речевых позиций эскалации эмоционального напряжения, вызванного комическим содержанием пранка. Использование прецедентного текста провоцирует пользователей к продолжению языковой игры в комментариях. При этом может использоваться как первоначальный источник (*шо, опять!? а лимпопо за шо? Айболита на геляку! смерть творогу!; Лимпопошечки бедненькие, как же вы теперь там будете?:!)); Я дочь Бармаля и поверьте у нас в Лимпопо не всё так однозначно, много и таких обезьян, которые против кровавого режима Айболита!!!))); Вам смешно а нам в Лимпопо не очень*), так и другие тексты. Например, трансформации подвергается известный диалог из фильма «Джентльмены удачи»:

— Девушка, а девушка! Вас как зовут?

— Мааксин!

— Ну и ДУРА!!

Многократно обыгрывается фраза «Любая кухарка может управлять государством», приписываемая В.И. Ленину: *любая кухарка может управлять государством...; Ленин был прав, каждая кухарка может управлять американским государством.*

Еще один тип подобной реакции — внесение исполненных комизма предложений по дальнейшим действиям, связанным с ситуацией вокруг вымышленной страны Лимпопо, что выражается в различных формах проявления побуждения — создается ситуация «псевдопобудительности»: **Требуем оставить** Лимпопо в покое. А марионетку Айболита **срочно осудить** международным сообществом, не признавая итоги выборов; **Предлагаю срочное откомандировать** отряд особого назначения «Альфа» в Страну Дураков для свержения режима диктатора Карабаса Барабаса, который издевается над своими подданными, терроризируя население страны. Спецоперация «Золотой ключик» согласована с руководителем подразделения П. Карло и утверждена всеми сенаторами парламента Тарабарского королевства в столице королевства — Каморке. Особая **роль возложена** на агента «Мальвина» которая призвана внедриться в расположение диктатора Барабаса. **Ответственным** за совершение операции **назначается** агент «Буратино», который **призван ликвидировать** диктатора из гладкоствольного оружия «Нос-31СМ».

Побуждение пранкеров к дальнейшим действиям — особый тип комментариев, принимающих форму совета об улучшении данного розыгрыша или вариантах продолжения (*необходимо, надо, хорошо бы, вот бы и пр.*): *необходимо еще наших продвинуть: Бабу Ягу, Кощея, подумайте где ближайшие выборы...; Воваааан, Лексус про Марс еще что-нибудь забабайте. Пусть туды летают!); Пацаны, это круто!!!Но надо было ее спровоцировать на официальное срочное заявление о поддержке Бармаля, потому что это немедленно остановило бы русских!)).*

Результаты исследования

Исследование показало, что пранк является современной формой сатиры, особенности восприятия которой можно проследить в многоголосом диалоге сетевого взаимодействия. В этом диалоге сливаются многочисленные речевые партии — от авторов пранка и их «жертвы» до разнообразного по тональности хора голосов авторов сетевых комментариев. Нужно отметить при этом, что большинство пользователей, оставляющих комментарии на всевозможных сетевых ресурсах, считают комическое содержание пранка, направленное на сатирическое изобличение внешнего врага. Достоверность полученных результатов подтверждает обращение к речевому материалу, связанному с недавним аналогичным розыгрышем другого американского политика — сенатора Грэма.

Выводы

Подводя итоги, отметим: в общественно-политических СМИ более всего востребована сатира, поскольку ее полемический заряд соответствует функциональной направленности изданий. Сатирический смех в прогосударственных СМИ направлен против внешнего идеологического противника. Источник комического в них — противоречия самой действительности: нелепость чьих-то действий, политическая несостоятельность. Использование сатиры возможно в тех коммуникативных ситуациях, где позиция автора открыто заявлена.

Думается, что перспективным подходом к изучению особенностей восприятия сатиры в современной коммуникативной ситуации может стать обращение к диалогической структуре сетевого общения. При таком подходе становится очевидна не только основа речевого взаимодействия субъектов общения, но и «опорные точки» в смыслообразовании современного медиадискурса.

В ходе анализа комментариев пользователей, посвященных розыгрышу Максим Уотерс Вованом и Лексусом, были выделены следующие типы реакции на пранк как форму комического: неодобрение пранка и пранкеров, одобрение действий пранкеров, высмеивание «жертвы» розыгрыша, выражение эмоциональной реакции на комическую форму, выражение реакции на сатирическое содержание, комические игровые комментарии, побуждение пранкеров к последующим речевым действиям.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1981). Фактор адресата. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, 40 (4), 356–367.
- Бахтин, М. М. (2000). Постановка проблемы и определение речевых жанров. В *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук* (с. 249–258). Санкт-Петербург: Азбука.
- Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.
- Дускаева, Л. Р. (1995). *Диалогичность газетных текстов 1981–1991*. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь.
- Дускаева, Л. Р. (2004). *Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров*. Пермь: Изд-во Пермского университета.
- Жуланова, Е. А. (2002). *Диалогичность учебно-научного монолога в речевой ситуации школьного обучения*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- Лотман, Ю. М. (1981). Текст в тексте. *Труды по знаковым системам*, 14, 423–436.
- Майданова, Л. М. (1987). *Структура и композиция газетного текста*. Красноярск: Изд-во Красноярского университета.

- Милевская, Т. Е. (1985). *Средства выражения речевого контакта в русском языке (вопросно-ответный комплекс в научно-популярном произведении)*. Дис. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- Нистратова, С. Л. (1985). *Коммуникативная направленность и стилистическая дифференциация синтаксических средств выражения адресованности речи в письменной и устной сферах коммуникации на научные темы*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Подъяпольская, О. Ю. (2004). *Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки)*. Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.
- Светана, С. В. (1985). О диалогизации монолога. *Филологические науки*, 5, 39–46.
- Славгородская, Л. В. (1986). *Научный диалог*. Ленинград: Наука.
- Тепляшина, А. Н. (2006). *Жанры и формы комического в современной российской периодике*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Чепкина, Э. В. (1993). *Внутритекстовые автор и адресат газетного текста*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- Чжао Айша. (1993). *Диалогизация монологического текста как средство воздействия на читателя (на материале публицистики)*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва.

Статья поступила в редакцию 22 октября 2019 г.;
рекомендована в печать 17 февраля 2020 г.

Контактная информация:

Дускаева Лилия Рашидовна — д-р филол. наук, проф.; l.duskaeva@spbu.ru
Щеглова Екатерина Александровна — канд. филол. наук, доц.; e.scheglova@spbu.ru

Perception of a comic text-prank in the dialogue of network communication: Creating a problem

L. R. Duskaeva, E. A. Shcheglova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Duskaeva, L. R., Shcheglova, E. A. (2020). Perception of a comic text-prank in the dialogue of network communication: Creating a problem. *Media Linguistics*, 7 (2), 238–249.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.207> (In Russian)

The modern Russian political discourse is characterized by the thrust of the vector of satirical modality against an external enemy, which is played by states that support the policy of sanctions and oppose Russia in the foreign policy arena. The satire has a polemic charge corresponding to the communicative task of exposing and convicting the enemy. The comical source is the contradictions of the very reality. The goal of the research is to identify communicative response regularities to comic manifestations which are found in media speech interaction. The discovery of these patterns makes it possible to understand how the embeddedness of any text in a dialogue (its intermediate position in communication) affects the features of text making. Our focus is on model text forms that originate from a result of the “meeting” of two texts. The material of this study is the media discourse centered on the prank by Vovan and Lexus, based on the joke over US Congresswoman, Maxine Waters, which was posted by Russian media: “RIA Novosti”, “Gazeta.ru”, “Nezavisimoye obozreniye (Independent review)”, “Tsargrad”, and others. The comedy formed by the prank arose from the contradiction between the US political establishment representatives’ arrogance, the way they appear in the Russian media, and their ignorance. We analyzed speech models of users’ comments to the video prank on YouTube and to publications about it in network media. As the study illustrated, several types of reactions to the prank are formed in network communication: disapproval of the prank and pranksters, approval of the pranksters’ actions, ridiculing the “victim”

of the prank, expressing an emotional reaction to the comic form, expressing a reaction to the satirical content, comical playful comments, and encouraging pranksters to conduct further activities.

Keywords: dialogue, comic, network communication, reaction types, prank.

References

- Arutiunova, N. D. (1981). Destination factor. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 40 (4), 356–367. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2000). Problem Setting and Definition of Speech Genres, Author and Hero. In *To philosophical foundations of humanities* (pp. 249–258). St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)
- Chepkina, E. V. (1993). *In-house author and addressee of newspaper text*. PhD thesis. Ekaterinburg. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (1995). *Dialogue of newspaper texts 1981–1991*. PhD thesis. Perm'. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2004). *Dialogue of modern newspaper texts in the aspect of speech genres*. Perm': Perm. Univ. Publ. (In Russian)
- Lotman, Iu. M. (1981). Text in text. *Works on landmark systems*, 14, 423–436. (In Russian)
- Maidanova, L. M. (1987). *Structure and composition of newspaper text*. Krasnoiar'sk: Krasnoiar'sk State Univ. Publ. (In Russian)
- Milevskaia, T. E. (1985). *Means of expressing speech contact in Russian (question-taking complex in scientific-popular work)*. PhD thesis. Leningrad. (In Russian)
- Nistratova, S. L. (1985). *Communicative focus and stylistic differentiation of syntax means of expression of speech addressability in written and oral spheres of communication on scientific topics*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Pod"iapol'skaia, O. Iu. (2004). *Typology of addressability in texts of epistolar genre (On the material of the letters of F. Kafka)*. PhD thesis. Cheliabinsk. (In Russian)
- Slavgorodskaia, L. V. (1986). *Scientific dialogue*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Svetana, S. V. (1985). On Dialogue of Monologue. *Philological Sciences*, 5, 39–46. (In Russian)
- Tepliashina, A. N. (2006). *Genres and forms of comic in modern Russian periodicals*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ. (In Russian)
- Zhao Aisha. (1993). *Dialogue of monologue text as a means of influencing the reader (on the material of publishing)*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Zhulanova, E. A. (2002). *Dialogue of educational and scientific monologue in the speech situation of school education*. PhD thesis. Ekaterinburg. (In Russian)

Received: October 22, 2019

Accepted: February 17, 2020

Authors' information:

Liliya R. Duskaeva — Dr. Sci. in Philology, Professor; l.duskaeva@spbu.ru

Ekaterina A. Scheglova — PhD, Associate Professor; e.scheglova@spbu.ru